

Гамлет, варенье из черешни и рак с пивом

День смеха, он же День дурака, он же День юмора — 1 апреля — прошел в этот раз, мягко говоря, безрадостно. Человечество погрузилось в коронавирусную атмосферу. Тем не менее появилась масса шуток, «черного» юмора, карикатур, сообразно национальным традициям. У нас юмористов не слишком много, но все же немало. Один из них — известный врач-уролог, уроженец Еревана Оганес ДИЛАНЯН. Практикует в России и часто приезжает на родину. Чем уролог-армянин отличается от уролога русского, французского или итальянского? Очевидно, ничем особенным, не считая особенного взгляда на урологию и вокруг нее, то есть врачей, пациентов... Диланян — врач серьезный, его многочисленные пациенты не дадут соврать. Но врачевание для него это еще и прекрасный материал для создания веселых, остроумных миниатюр, так и просачиваясь на экран. Недавно Оганес Диланян выпустил книгу "Уролог.net", несколько отрывков из которой — лучшее чтение в постпервоапрельский и карантинный период. Забавные вполне узнаваемые ситуации переполнены добрым юмором, что делает честь автору. Не случайно его литературный кумир — Антон Чехов, напомним, тоже врач по образованию...

ГАМЛЕТ

Акт 1. Звонок

— Диланян-джан, здравствуй, дорогой! — голос в трубке принадлежал настолько близкому и любимому другу, что Высокоиспытательный горный орел Князь, весь из себя ординартор второго года кафедры урологии Диланян заулыбался прямо в трубку и обрадованно начал жестиковать.
— Вай, здравствуй, настолько близкий брат, что не знаю, кто может быть ближе, — закричал он.
— Дружище, чем я могу быть тебе полезнее? — Диланян уже надоели многоцветные выражения.
— Ну, в общем, есть человек, относительно близкий нашей семье, он страдает бесплодием, — сразу перешел к делу Ашот. — Он сейчас в Москве.
— А. Ну, дай мне твой телефон, — с готовностью отозвался Диланян. — А насколько близок он твоей семье?
— Очень близок! Ты его, по-моему, знаешь, он циклевал паркет в нашей квартире! — обосновал родственные узы Ашот. — Его зовут Гамлет!

Акт 2. Собственно Гамлет

Гамлет... Ну, имя как имя, звонкое и сильное, ничего смешного. Однако ж, согласитесь, есть нечто шекспировское в супружеской паре Гамлет и Офелия, тем паче когда отца Гамлета зовут Уильям. Прямо "Бесплодные усилия любви", честное слово!
Эти мысли домысливал Диланян, разговаривая с человеком наружности комичной, произношения ужасного, но доброты душевной — неимверной.
— Дорогой и многоуважаемый доктор! — соблюдал политек циклевщик паркета. — История моей несчастной жизни включает в себя три периода!
— Слушай, — злился Диланян, ощущая себя падишахом. — Ты мне расскажи, что тебя беспокоит!
— Меня беспокоит третий период моей жизни, о многоуважаемый цвет великоврачевания страны Армения, по недомыслию обитающий в Московии! — восклицал Гамлет и театрально-молитвенным взглядом смотрел на почти уролога.
— Что с тобой? — с откровенной угрозой в голосе спрашивал Диланян, которому уже стали известны генеалогические древо Гамлета, история героической гибели его прадедушек, покорность матери отцу и многодетность сплоченного семейства Бегларянов, где лишь пара Гамлет и Офелия были обделены богом счастьем иметь много детей.
— Ну, в общем... — замылся шекспировский принц. — Мою жену сотрели все армянские гинекологи...
— К урологу ходил?
— Ну... Был у венеролога, сдавал мазок... — смущение на лице Гамлета достигло апофея. В смысле, он апофигел. — Так было больно... И ничего не нашли! Сказали, что я здоров!
— Так. Пойдешь и сдашь сперму, — Диланян уже строчил направление. — Перед этим четыре часа не мочись, понял?
— Хорошо, доктор джан, — просиял Гамлет.
— А теперь спусти штаны.
— Зачем? — лицо Гамлета приняло озабоченно-подозрительное выражение.
— Затем. Давай... Так... У тебя варикоцеле. Третьей степени. Левое яичко уменьшено вдвое против обычного! Член в норме, микрофаллы в норме. Повернись спиной, наклонись.
— Ай! Вай! Доктор, что ты делаешь! — заорал Гамлет, отпрыгивая в сторону.
— Говорили — приличный человек!
— Гамлет, — потерял терпение Диланян, — стой. Твою простату надо посмотреть пальцем. Через прямую кишку.
— Доктор, я знаю, мне ребята рассказывали... Но я ни разу в жизни налево не ходил. Не делай этого, пожалуйста! — взмолился Гамлет.
Но доктор был неумолим:
— Поворачивайся... Так... Простата в норме...
— Доктор-джан... Эдуардович-джан... — пустил в ход самое уважительное обращение Гамлет. — Ты, пожалуйста... никому не говори, хорошо? Мало того, что на меня косо смотрят из-за отсутствия детей, теперь еще вообще из деревни выгонят... У нас в Апаране крайне строго на такие вещи смотрят...

Акт 3. Через четыре дня

— Так... Ну что же, Гамлет, у тебя астеноспермия, — победно изрек Диланян.
— Что это такое?

— Ну, в общем, тебя надо оперировать! — Резать? — пришел в ужас Гамлет.
— Резут на больших дорогах, — привычно ответил Диланян, — а тебя надо оперировать.

Акт 4. Утренняя пятиминутка. Доклад

— Пациент двадцати трех лет, с диагнозом левостороннее первичное варикоцеле третьей степени, уменьшение яичка, астеноспермия. Показана операция Мармара в условиях дневного стационара.

Акт 5. Операция

— Захер, уберите этот кохер... Нахер, — привычно рассказывал анекдоты доктор Бобровский, учитель Диланяна, показывая, как сподручнее перевязывать эти самые вены.

Акт 6. Через полтора года. Ереван

— Алло?
— Аллио, дорогой доктор, с приездом тебя, это Гамлет! — трубка заверещала так громко, что Диланян поморщился.
— Гамлет? Какой Гамлет?
— Ну тот, которого ты оперировал! У меня есть свят твоему глазу! Светлая новость!
— Какая? — Диланян спросонья не только не хотел вспомнить никакого Гамлета, но и не был расположен слушать светлые новости.
— У меня дочь родилась! Только что!
— Вай, поздравляю, дорогой, — заулыбался в трубку князь, сился вспомнить Гамлета.
— Я ее хочу твоим именем назвать! И чтобы ты был кавором.
— Кавором? — Диланян ощутил себя в роли Вито Корлеоне. — Погоди. Как моим именем? Мое имя не имеет женских аналогов!
— Ну... Ованесуи (окончание "уи" равнозначно русскому окончанию "ца"). Учитель — учительница и т. п.).
— Гамлет... — голос Диланяна был необычайно мягок и ласков, он понимал, что говорит с апаранцем. — Гамлет, я прошу тебя. Родится у тебя сын, назовешь Оганесом, не вопрос. Но не обречай дочь на насмешки!
Прошло около получаса. Абсолютно взмолился Диланян наконец сговорить Гамлета назвать дочь именем матери. Жаль, что он не знал ее имени...
— Хорошо, доктор джан. Твое слово для меня — закон. Назову дочку Гезал, решено.
— Так вот твою благочестивую мацунку? — ужаснулся Диланян.
— Да! Гезал-тетя! — победно изрек Гамлет.
Диланян дико завращал глазами. Сделать что-либо он не мог, попытка поговорить горского жителя назвать ребенка не именем матери была равносильна самоубийству, ибо это нечестиво!
"Бедный ребенок", — отвлеченно думал Диланян, пока в трубке раздавались какие-то вопросы, на которые он автоматически отвечал: "Да, да, конечно".
— ...Значит, завтра! Пришло за тобой машиной!
— Какую машину, Гамлет?
— "Мерседес".
— Зачем?
— Ну, я же тебе говорил! Приедешь, дом мой увидишь, мероприятие будет, дорогой! В твою честь! Ты избавил меня от напасти!
— Ну хорошо... — у Диланяна не оставалось сил сопротивляться.
"Гезал... Имя тюркского происхождения, обозначающее то ли краивая, то ли единственная... Ужас... Уж лучше бы назвал ребенка... Ну, не знаю, хотя бы Дедемоной! Было бы продолжением шекспировской серии..." — эта мысль занимала голову Диланяна, весь день находившегося в прострации.
Диланян был зол. Ему хотелось туты, а на сезон он опоздал. Тутовые деревья росли повсюду, но на них не осталось ни единой ягодки. На рынке он повстречал ту самую бабку, у которой год назад купал все.
— Вай, доктор-джан? — по-свойски удивилась бабка. — Ты вернулся?
— Ну, не совсем. На месяц, другой... — заулыбался Диланян.
— А чего так? — Би-би-си заплатили бы много денег, дабы иметь такого репортера, как бабка Ехануш.
— Ну, диссертацию пишу, — смутился Диланян.

БАБКА ЕХАНУШ

— А-а-а... Ты же из Гориса кровью, да? — вынула из бездонных глубин памяти карточку Диланяна Ехануш. — Князь Горисский?
— Ну да, — совсем покраснел Диланян.
Торгующие рядом продавцы оставили сонных, как сентябрьские мухи, покупателя и повернули головы в их сторону.
— Ну, тогда давай тебе анекдот расскажу! Про твою малую родину и диссертацию! — с хитринкой в голосе сказала бабка Ехануш.
— Ну расскажи, расскажи, — обреченно согласился Диланян. Отказать бабке Ехануш было решительно невозможно.
— Ну, все знают, что горисцы те еще князюшки, да?
— Да, да! На моего деда мой друг дед из Гориса князюшки писал, что тот самогонварением занимается! А сам самогон покупал только у него! — высказался продавец винограда.
— Так вот. У одного горисца другой спрашивает: "Слушай, ты свою диссертацию написал?" — "Нет, слушаю. Как ни пишу, князюшка получается!"
Хохот поднялся на весь рынок. Продавцы пересказывали друг другу анекдот, держались за бока и хохотали безудержно. Люди простые и бесхитроные умеют веселиться по малейшему поводу.
— Слушай, доктор-джан, — заговорщицки подмигнула Оганесе бабка. — Можешь тебя на секунду конфедеративного разговор?
— Конфиденциального? — не удержался Диланян.
— Ну, в общем... Невестка моя младшая, Рузана... болеет. Кстате, прости, что тебя на свадьбу не позвали, — спохватилась бабка Ехануш и начала вдохновенно врать: — Мы звонили, звонили... Но ведь до Москвы не дозвониться!
— Ну, в общем, после обряда красного яблока, — густо покраснела бабка, — она начала часто бегать в туалет.
— Что за обряд и когда был? — удивился Диланян.
— Ну... позавчера свадьба была... А вчера мы отвезли красное яблоко родителям, — бабка выдохнула это слово и истово перекрестилась, — она каждую полчасу в туалет бегает, кровью мочится!
— Цистит дефлорационный, — поставил диагноз Диланян. — Температуры нет? Поясница не болит? Неплохо бы ее посмотреть...
— Да ты что, креста на тебе нет! Кто же даст тебе, мужику неженатому, смотреть на новую невесту? — Бабка была готова предать Диланяна анафеме.
Далее последовал длинный перечень вопросов, их бабка передересовывала по телефону невестке, а ответы передавала Диланяну.
— Монурал. Три грамма. Порошок. Растворить в стакане теплой воды, дать выпить. Завтра все пройдет, — привычный к быстрым диагнозам деревенских жителей (калька с Булгакова), заявил Диланян.
— Ай, молодец, доктор! Ай, живи ты сто лет! Ай, пусть твоя жена родит тебе девять детей! — хвалила Ехануш князя. — Теперь ты мне скажи, чем бабка Ехануш может тебе быть полезной?
— Ну, мне трюх хватит, — от мысли об ораве детей по коже князя пробежали мурашки, — а мне нужна тут! Нигде найти не могу!
— Только для тебя, дорогой! Драгоценный! Золотой! — заверещала поцыгански бабка Ехануш и достала из-под бесчисленных мокрых тряпок кастриюлю туты.
— Почему? — облизнулся князь.
— Вообще-то... — замылась бабка. — Вообще-то две тысячи драмов. Но для тебя — тысяча! Нет! Восемьсот! Что лицо окисляется? Все возьмешь, и за семьсот отдам!
— Последнее слово? — Торгашеская натура князя никогда не оставляла в покое подлую проктологическую душу Диланяна (уролог я, уролог!).
— Ну... Пятьсот пятьдесят. Но только для тебя. С убытком для себя, но учитывая твою консультацию... Пятьсот. Все, ниже не могу!
Прошло несколько дней. Диланяну захотелось поест инжиру. Но сезон инжира еще не настал, по каковому поводу Диланян опять облезился. И направился на рынок.
— Ай, здравствуй, бабка Ехануш, а по добру ли поздраву поживаешь? — обра-

довался он, увидев, что у бабки Ехануш прямо на столе на первом месте стоит маленький тазик с вождельными инжирами, спелыми, желтыми, практически медом.
— Здорово, здорова, доктор-джан. Как ты? — обрадовалась старушка постоянно-покупателю. — Подходи, анекдот новый расскажу!
— Про горисцев опять? Уволь, итак весь двор меня князюшкой кличет, — насторожился Диланян.
— Нет, нет, про апаранцев! В общем... Апаранец узнает, что у него рак... и покупает пиво!
Рынок заржал.
— Яхонтовый, дай угадаю, зачем на рынок пришел? Небось за инжиром? — проследила за взглядом Диланяна бабка.
— Да, угадала... Тут у тебя ценник стоит, две тысячи драмов, это значит, что торговаться смысла нет, да? — вспомнил обобщая ереванского рынка Диланян.
— Ну... Драгоценный ты мой, клад ты мой золотой, для всех две тысячи драмов, но только не для тебя! — заулыбалась бабка.
У Диланяна сладко кольнуло сердце. Две тысячи драмов — не большие деньги, порядка семи долларов. "Уважают", — подумал он.
Бабка тем временем продолжала самым ехидным голосом:
— Для тебя килограмм четыре тысячи драмов!
— Э-э-э-э-э... М-м-м... Ы-ы-ы-ы-ы-ы, — замычала Диланян, ливнившись дара речи. — Пошто такую немилость оказываешь?
— Кто моей невестке монурал посоветовал?
— Ты смотри, как название запомнила, — улынулся Диланян. — Я назначил. А что, не помогло?
— Помог, сынок. Очень хорошо помогло! На следуюший же день все прошло! Но вот только... — В голосе бабки Ехануш появились грозные нотки. — Ты знаешь, сколько этот один маленький пакетик стоит??? Пять тысяч драмов! Так что купи килограмм инжира за четыре тысячи и даже не смей торговаться! А то, как прокляну! Язык у меня, сам знаешь! — Сухонская, маленькая старушка вдруг сделалась грозной бабкой и подоиднула к Диланяну.
— Ну? Мне начать?
— Э-э-э-э... Нет, нет! — испуганно пролепетал как-то сразу померкнувший в своем величии князь. — Давай килограмм, возьми деньги!
— Ай, молодец! Ай, теперь скажу, что хороший доктор! — запритачала опять ставшая доброй и ласковой бабка. — На, возьми! Кушай на здоровье!
Подминаясь по лестнице, он понял, что сильно ослабел. Ибо нести разнородный килограмм инжира было ужасно тяжело. "Неужто проклята-таки зловерная старуха?" — с ужасом подумал он. Но московский прагматизм и развитый годами медицинской практики цинизм не позволили суетным и мистическим мыслям осесть в голову. Когда он дома взвесил пакет, оказалось, что там почти пять килограммов инжира... А также записка, гласящая: "Доктор-джан, спасибо тебе большое. Невестка чувствует себя хорошо и с младшим сыном моим из спальни не вылезает". К записке было блувакой приколото пять тысяч драмов, изрядно замаскированных инжирным соком...
СКРИПКА, ВАРЕНЬЕ ИЗ БЕЛОЙ ЧЕРЕШНИ И ЗВУКИ ЗАГРОБНОГО МИРА
— Карине, дорогая, мы должны принять этого парня, — тоном, не терпящим возражений, высказался директор музыкальной школы, большой, грузный, но удивительно добрый мужчина.
— Да почему же? Он не то что тише слуха, он лишен желания учиться! — возмущилась Карине Китапсзян, молодая выходящая Карине Китапсзян, преподавательница сольфеджио.
— Это... Карине-джан, как бы тебе сказать... В общем то, что он будет учиться в нашей школе, — вопрос решенный, — директор попытался применить авторитарный метод управления.
— Да почему же, Карлен Бек-Бархударович? — Мадемуазель Китапсзян претла сама мысль о том, что бездарь и беспоточек может прикоснуться к музыкальному миру.
— Да потому, Карине-джан, что это сын Эдика! Диланяна! — Терпение Карлене Бек-Бархударовича подошло к концу.
— Эдик женат? — моментально побледнела Карине, для которой Эдик был эталоном принца на белом коне, джентльмена и рыцаря.
— Нет, — отмахнулся директор. — Он давным-давно развелся. Сын от первого брака.
— А... м-м... — не нашлась, что сказать Карине Лендровшна, чья влюбленность в Эдуарда Владимировича была известна всей музыкальной школе. — Ну ладно, мальчик красивый, поставлю ему четыре.
Этот разговор произошел после сдачи вступительных экзаменов в музыкальную школу...
— Папа, я хочу играть на трубе, — медленно и задумчиво, впрочем, как всегда, ответил на предложение отца поступить в музыкальную школу старший, а на тот момент единственный сын среднего сына истинного князя Гориса, у чьего старшего сына не было сыновей.
— Сын, тебе не следует играть на трубе, — сделал строгое лицо Диланян-старший.
— А почему, папа? — медленно удивился Овик. Он вообще все делал медленно.
— А у тебя... — Эдуард Владимирович задумался, как скрыть правду. — А у тебя губы толстые! Для трубы не подходят!
— Папа, но Айк мне сказал, что мои губы как губы Лу-у-уи Армстронга — толстые и очень подвижные! У меня получается же! Ты же видел...
— Сынок, на скрипке у тебя получится лучше. Если я говорю, значит, что-то знаю, — привел самый веский аргумент Диланян-старший.
Сказать, что Диланян-младший ненавидел скрипку — это ничего не сказать. Скрипка отнимала все время, и все равно из-под смычка порой выходили звуки вовсе не музыкальные.
— Знаешь, Овик, — сказала однажды милая и добрая женщина Лия Симоновна, лучший преподаватель скрипичного мастерства не только в школе, но и во всей республике. — У человека слух чист утром. Может, ты попробуешь перепетировать по утру?
Диланян-младший так и поступил. Каждое утро он вставал в шесть часов и начинал играть на скрипке. Он был старательный мальчик, этот Диланян-младший, он выводил те ноты, которые плохо получались, он настойчиво репетировал третью оперу Рединга...
К шестнадцати Диланян-младший, чувствуя, что что-то получается, входил в раж и начинал с силой водить смычком по струнам. Результат не заставлял себя ждать.
— А? Что? Зачем? Шас, шас! — вскрикивала его родная тетя, врач-педиатр, и накинув халат, пыталась срочно кого-нибудь среанимировать.
Проснувшись окончательно и удостоверившись, что она не в больнице и услышанные ею звуки издают не убитые горем родственники, а маленький мальчик с задумчивым лицом при помощи скрипки, она заявляла, что в худшие годы ее жизни, когда она работала детским реаниматологом в глухом районе, никто не смел таким образом ее будить, что это преступление против человечества, что Диланян-младшего необходимо срочно судить военным трибуналом и расстрелять.
Не в силах терпеть душевные муки родной тети, Диланян-младший перенес свои эксперименты на более позднее время, когда спальня освобождалась... Результат опять же не заставлял себя ждать. От апоплексического удара умер дед Согомон, сосед, чью спальню от музыкальной комнаты Диланяна отделяла довольно толстая туфовая стена.
— Жена, знаешь, — таинственным шепотом говорила бабка Доротея, соседка-бабоголка, по совместительству — жена большого ученого Согомона, — Сого перед смертью все чувствовал! Он говорил, что каждое утро просыпается от странных звуков! Ты не думай, это не потому, что он окончательно свихнулся! В последние дни своей жизни он начал ощущать присутствие господа и молился! А ведь всю жизнь ярым коммунистом был, атеистом, да упокоит господь его грешную душу...
— Доротея, может быть, у него со слухом проблемы были? — пыталась внести ясность в ситуацию Жена Арутюновна, бабушка истинного князя. — Может, у него просто слуховой нерв был поврежден, как у тебя?
— А? Что ты говоришь, Жена? — Бабка Доротея в тот период страдала слуховыми расстройствами, иначе говоря — была глуха, как тетерева.
— Да ничего, ничего...
В связи с трауром Диланян-младший перенес свои занятия на кухню, то есть ближе к стене спальни других соседей — тети Марты и дяди Мартина... Стоит ли ис-

кать связь между музыкой, прекрасной оперой Рединга и первым приступом шизофрении у тети Марты? Будная, до сих пор мучается... А дядя Мартин отдал богу душу, однако до конца жизни с содроганием вспоминал, как в момент его утренней близости с женой при наглухо закрытых дверях раздавался ужасный вой непонятного происхождения... Нельзя, нельзя мужчине пугать в такой момент и таким образом... Нервное расстройство, выражающееся в заикании и настороженном ожидании во время половой близости, сохранилось у него до конца жизни.
Когда бабушка поняла, что не только ее психика страдает от увлечения задумчивого князюшка, когда она увидела признаки сумасшествия в глазах жильцов всего подъезда, она решила на отчаянный шаг. Впервые в жизни она запретила Диланяну-младшему заниматься на скрипке по утру. Нет, нет, она вовсе не была деспотом, просто хотела сберечь психику остальных соседей...
— Лия Симоновна, — надув губы и щеки, медленно проговорил Диланян-младший. — Мне больше не разрешают заниматься по утру.
— Почему? — недоуменно спросила Лия Симоновна.
— Ну, во-первых, траур по поводу кончины деда Согомона еще не закончился, во-вторых, тетя Марта сошла с ума, и врачи прописали ей полный покой.
— Что только не придумают эти люди, лишь бы не дать моим ученикам заниматься! — Лия Симоновна твердо задавалась целью превратить маленького толстого мальчика в великого музыканта. — Ничего, дважды в неделю будешь приходить ко мне домой после школы и играть у меня!
Варенье из белой черешни, чай, старомодные подсвечники, пианино... Что может быть лучше в жизни одинокой, отностительной молодой, интеллигентной женщины-музыканта? Диланян-младший наслаждался обстановкой. Трехлитровая банка варенья катастрофически быстро опустошалась.
— Овик... — робко начала Лия Симоновна. — Может, покажешь, какая часть великой оперы Рединга у тебя не получается?
— Угу, — улетая варенье за обе щеки, отвечал Диланян-младший. — Вот эта.
— Ну, давай попробуем...
Лучше бы они не пробовали. Лия Симоновна приводила к себе домой лучших учеников и лишь перед подготовкой к серьезным выступлениям. Эти люди умели создавать музыку, их интересовали вопросы обертонов, а не "как правильно держать смычок после того, как ты полтора года уже занимаешься этим". Диланян консулся смычком струн... Консулся еще раз... И вырвал скрипку. Потому что открылась дверь и в комнату вошла страшного вида старуха в ночной рубашке и с взлохмаченными волосами и старческим басом выразилась в том духе, что...
— Лия, доченька, пришла пора мне отойти в мир иной... Драгоценности в вазе, а сберкнижки я прячу в книге "Этюды Моцарта для виолончели", ты же не любила эту книгу... прости меня, дочка, там для тебя две тысячи рублей.
— Мама, мама, что с тобой? — позеленела Лия Симоновна.
— Я сейчас услышала потусторонние звуки... Точь-в-точь как кашель твоего покойного отца... Он зовет меня к себе... Дай, пожалуйста, последний глоток воды испить, — старуха легла на диван и приготовилась умереть.
Лия Симоновна моментально взбеленилась.
— Мама! Это не потусторонние звуки! Та сторона звуков не издает! Это мой ученик на скрипке играет!
— На скрипке? Дочь, разве скрипка может такие звуки издать? — моментально ожила и даже как-то похорошела старуха.
— Этот мой ученик может... — тяжело вздохнула Лия Симоновна.
Остаток вечера прошел в добивании трехлитровой банки варенья и московского печенья "Юбилейное". Сейчас такого вкусного уже не делают...
P.S. На этом музыкальная карьера Диланяна была окончена. Через несколько дней он прямо в кабинете директора в присутствии родного отца разбил скрипку и поклялся больше никогда не ступать на порог этой музыкальной школы.
Подготовила
Ева КАЗАРЯН

— Нет, — отмахнулся директор. — Он давным-давно развелся. Сын от первого брака.
— А... м-м... — не нашлась, что сказать Карине Лендровшна, чья влюбленность в Эдуарда Владимировича была известна всей музыкальной школе. — Ну ладно, мальчик красивый, поставлю ему четыре.
Этот разговор произошел после сдачи вступительных экзаменов в музыкальную школу...
— Папа, я хочу играть на трубе, — медленно и задумчиво, впрочем, как всегда, ответил на предложение отца поступить в музыкальную школу старший, а на тот момент единственный сын среднего сына истинного князя Гориса, у чьего старшего сына не было сыновей.
— Сын, тебе не следует играть на трубе, — сделал строгое лицо Диланян-старший.
— А почему, папа? — медленно удивился Овик. Он вообще все делал медленно.
— А у тебя... — Эдуард Владимирович задумался, как скрыть правду. — А у тебя губы толстые! Для трубы не подходят!
— Папа, но Айк мне сказал, что мои губы как губы Лу-у-уи Армстронга — толстые и очень подвижные! У меня получается же! Ты же видел...
— Сынок, на скрипке у тебя получится лучше. Если я говорю, значит, что-то знаю, — привел самый веский аргумент Диланян-старший.
Сказать, что Диланян-младший ненавидел скрипку — это ничего не сказать. Скрипка отнимала все время, и все равно из-под смычка порой выходили звуки вовсе не музыкальные.
— Знаешь, Овик, — сказала однажды милая и добрая женщина Лия Симоновна, лучший преподаватель скрипичного мастерства не только в школе, но и во всей республике. — У человека слух чист утром. Может, ты попробуешь перепетировать по утру?
Диланян-младший так и поступил. Каждое утро он вставал в шесть часов и начинал играть на скрипке. Он был старательный мальчик, этот Диланян-младший, он выводил те ноты, которые плохо получались, он настойчиво репетировал третью оперу Рединга...
К шестнадцати Диланян-младший, чувствуя, что что-то получается, входил в раж и начинал с силой водить смычком по струнам. Результат не заставлял себя ждать.
— А? Что? Зачем? Шас, шас! — вскрикивала его родная тетя, врач-педиатр, и накинув халат, пыталась срочно кого-нибудь среанимировать.
Проснувшись окончательно и удостоверившись, что она не в больнице и услышанные ею звуки издают не убитые горем родственники, а маленький мальчик с задумчивым лицом при помощи скрипки, она заявляла, что в худшие годы ее жизни, когда она работала детским реаниматологом в глухом районе, никто не смел таким образом ее будить, что это преступление против человечества, что Диланян-младшего необходимо срочно судить военным трибуналом и расстрелять.
Не в силах терпеть душевные муки родной тети, Диланян-младший перенес свои эксперименты на более позднее время, когда спальня освобождалась... Результат опять же не заставлял себя ждать. От апоплексического удара умер дед Согомон, сосед, чью спальню от музыкальной комнаты Диланяна отделяла довольно толстая туфовая стена.
— Жена, знаешь, — таинственным шепотом говорила бабка Доротея, соседка-бабоголка, по совместительству — жена большого ученого Согомона, — Сого перед смертью все чувствовал! Он говорил, что каждое утро просыпается от странных звуков! Ты не думай, это не потому, что он окончательно свихнулся! В последние дни своей жизни он начал ощущать присутствие господа и молился! А ведь всю жизнь ярким коммунистом был, атеистом, да упокоит господь его грешную душу...
— Доротея, может быть, у него со слухом проблемы были? — пыталась внести ясность в ситуацию Жена Арутюновна, бабушка истинного князя. — Может, у него просто слуховой нерв был поврежден, как у тебя?
— А? Что ты говоришь, Жена? — Бабка Доротея в тот период страдала слуховыми расстройствами, иначе говоря — была глуха, как тетерева.
— Да ничего, ничего...
В связи с трауром Диланян-младший перенес свои занятия на кухню, то есть ближе к стене спальни других соседей — тети Марты и дяди Мартина... Стоит ли ис-

На снимках: автор с родней в Гошаванке; дорога в Гари со знаменитыми яблоками; селфи на фоне Гари.